18+

Злата Вельская

СВОДНЫЙ

Не смей ко мне прикасаться

Злата Вельская

Сводный. Не смей ко мне прикасаться

https://litres.ru/74899732
ISBN 9785007165846

Аннотация

Ева Лаврова всегда была удобной дочерью и хорошей девочкой. До той пятницы, когда в клубе незнакомец с янтарными глазами поцеловал её без спроса и получил пощёчину. А на следующий день, на маминой свадьбе, этот наглец сел напротив. Ян. Сын маминого мужа. Теперь они живут под одной крышей, и ванная у них одна на двоих. «Не смей ко мне прикасаться», — говорит Ева. «Не буду, — отвечает он. — Пока сама не попросишь». Запретная любовь, от ненависти к страсти. Счастливый финал.

Содержание

Глава первая. Пощёчина 5
Глава вторая. Правила выживания 16
Глава третья. Новая игрушка 26
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Сводный. Не смей ко мне прикасаться

Злата Вельская

Иллюстрации создана с помощью нейросети ChatGPT (OpenAI)

© Злата Вельская, 2026

ISBN 978-5-0071-6584-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Пощёчина

Я никогда в жизни никого не била. Ни в детском саду, ни в школе. Даже когда в третьем классе мальчишка из параллели вылил мне на голову компот. Я тогда вытерла лицо салфеткой и пошла на урок. Я всегда была хорошей девочкой.

До той пятницы.

Клуб назывался «Луна». Синий свет, басы в рёбрах, запах сладкого дыма. Меня туда привела Соня.

— Последняя ночь свободы, Лаврова, — сказала она и сунула мне в руку бокал с чем-то розовым. — Завтра ты переезжаешь к чужим людям. А сегодня ты моя.

Соня Ласточкина умела говорить так, что отказаться было невозможно. Мы учились в одной группе. Она жила в общежитии, смеялась громче всех и считала, что я слишком правильная. Наверное, она была права.

Я танцевала минут десять. Потом устала и отошла к барной стойке. Там меня и нашёл парень в голубой рубашке.

Он был пьян. Не сильно, но достаточно, чтобы решить, что моё «нет» означает «уговори меня».

— Одна? — спросил он и навис надо мной.

— С подругой.

— Не вижу подругу.

— Она танцует.

— А ты потанцуешь со мной.

Это был не вопрос. Он взял меня за запястье. Пальцы у него были влажные и горячие. Я дёрнула руку. Он не отпустил.

— Отпустите, — сказала я.

Голос прозвучал тихо и жалко. Вокруг гремела музыка, и никто не слышал. Я вдруг поняла, что никто и не обязан слышать.

И тут чья-то рука легла мне на талию.

— Вот ты где, малыш. Я тебя обыскался.

Голос был низкий, спокойный, с ленцой. Так говорят люди, которым никогда не отказывают. Я обернулась. Рядом был парень в чёрной футболке. Высокий. Тёмные волосы падали на лоб, как будто он только что снял шлем. На большом пальце серебряное кольцо. А глаза янтарные. Светло-карие, почти жёлтые в синем свете клуба. Как у кота, который знает, что ему всё сойдёт с лап.

— Она сказала, что одна, — буркнул голубой.

— Она врёт. Мы поссорились. — Незнакомец посмотрел на чужие пальцы на моём запястье. — Это моё. Убери.

Голубой не убрал. И тогда незнакомец наклонился и поцеловал меня.

Не в щёку. Не для вида. По-настоящему. Его ладонь легла мне на затылок. Губы были твёрдыми и уверенными. Пахло от него мятой и чем-то металлическим, как в гараже. На одну секунду я забыла, где я. На одну короткую, страшную секунду мне понравилось.

Когда он отстранился, голубого рядом уже не было.

А я ударила его по лицу.

Звук вышел громкий. Даже сквозь музыку. Бармен поднял глаза. Две девушки рядом ахнули. Ладонь у меня горела.

Незнакомец медленно повернул голову обратно. Потрогал щёку. И улыбнулся.

— Пожалуйста, — сказал он.

— Я вас не просила!

— Просила. Глазами. Очень громко.

— Вы не имели права меня целовать!

— А он имел право тебя держать? — Он кивнул в сторону танцпола. — Он бы не отстал. Я знаю таких. Я сделал так, чтобы он ушёл сам. Быстро и без драки. Могла бы сказать спасибо.

— Спасибо, — процедила я. — Но в следующий раз спросите.

Он рассмеялся. Коротко, удивлённо. Как будто я сказала что-то очень смешное. Или очень новое.

— В следующий раз, — повторил он, — я спрошу. Обещаю.

Он взял с барной стойки шлем. Значит, правда мотоцикл. Перед тем как уйти, он обернулся.

— Увидимся, драчунья.

— Надеюсь, никогда.

Он ушёл, не оглядываясь. А я ещё долго чувствовала на губах вкус мяты.

Соня вынырнула из толпы через минуту, с мокрой чёлкой и круглыми глазами.

— Лаврова. Ты что, ударила какого-то красавчика?

— Он меня поцеловал.

— И ты ему врезала? — Она прижала руку к сердцу. — Я тебя не узнаю. Я тобой горжусь. Кто он?

— Понятия не имею.

Это была правда. И я была уверена, что больше никогда его не увижу.

Домой я вернулась в половине второго. Мама не спала. Она сидела на кухне среди коробок, в старом халате, и пришивала пуговицу к моему пиджаку. Завтра у неё свадьба, а она чинит пиджак дочери.

В этом была вся моя мама.

— Ты пахнешь клубом, — сказала она, не поднимая головы.

— Соня затащила.

— И хорошо. — Мама улыбнулась. — Тебе давно пора.

Я села напротив. На спинке стула висело её платье. Не белое, а кремовое, простое, с длинными кружевными рукавами. Мама выбирала его три недели. Она так волновалась, что я боялась за неё.

Нам было хорошо вдвоём. Двенадцать лет мы жили только вдвоём. Папа ушёл, когда мне было семь. Сказал, что выйдет за хлебом, и не вернулся. Ушёл с чемоданом и с деньгами, которые мама откладывала на ремонт.

Потом были долги. Мамины ночные смены. Мои пятёрки. Я рано поняла, что могу помочь только одним. Не создавать проблем. Не болеть. Не жаловаться. Ничего не просить. Хорошо учиться. Быть удобной.

Я стала самой удобной дочерью на свете. И привыкла.

А в прошлом году мама познакомилась с Игорем Демидовым. Он пришёл в стоматологию, где она работала администратором, с больным зубом. А через неделю вернулся с цветами. Игорь был высоким, седым на висках, спокойным. У него была своя фирма, которая делала детали для машин. И большой дом в посёлке Кедровый, за городом, среди сосен.

Он смотрел на маму так, как на неё никто никогда не смотрел. Я видела. И ради этого взгляда я была готова на всё. Даже переехать к чужим людям.

— Ева, — сказала мама. — Ты точно не против? Ещё не поздно. Можем снять тебе комнату.

— Мам. На какие деньги?

— Игорь предлагал…

— Я не хочу, чтобы Игорь за меня платил. Это всего на два года. Я закончу учёбу и съеду.

— Его сын… — Мама замялась. — Игорь говорит, Ян сложный. Он был против нашей свадьбы. Даже на знакомство не пришёл.

— Я тоже сложная.

— Ты? — Мама засмеялась. — Ты самый лёгкий человек на свете, Евочка.

Мне стало обидно. Хотя она сказала это с любовью.

— Я сегодня ударила парня, — сказала я.

Мама отложила иголку.

— За что?

— Поцеловал без спроса.

— Ну и правильно, — сказала мама. Помолчала. А потом вдруг улыбнулась хитро, совсем как девчонка. — А он хоть симпатичный был?

Я не ответила. Но покраснела. И мама всё поняла.

Свадьба была в субботу, в двенадцать. Сначала загс, потом праздник в доме Игоря. В саду поставили белый шатёр, развесили гирлянды между соснами. Гостей было человек сорок. Друзья Игоря, его коллеги, мамины подруги из клиники. Все улыбались. Все говорили, какая красивая пара.

А сына Игоря всё не было.

— Задерживается, — сказал Игорь, когда мама в третий раз посмотрела на ворота. Он сказал это ровно. Но я заметила, как дёрнулась жилка у него на виске.

Мы сели за стол. Принесли горячее. И тут с дороги донёсся рёв мотора.

Все обернулись. Через открытые ворота во двор въехал чёрный мотоцикл. Медленно, с наглой ленцой, он сделал круг у фонтана и замер возле шатра. Гравий хрустнул под колёсами. Парень снял шлем и тряхнул головой.

Тёмные волосы. Белая рубашка, расстёгнутая на две пуговицы, под чёрной кожаной курткой. Серебряное кольцо на

большом пальце.

Вилка выпала у меня из руки.

Нет. Нет, нет, нет. Только не он.

— Ян, — сказал Игорь. Тихо, но так, что все замолчали. — Ты опоздал на два часа.

— Пробки, — ответил Ян. — В сосновом лесу. Просто ужасные.

Кто-то из гостей нервно хихикнул. Ян подошёл к маме, взял её руку и поцеловал. Очень вежливо. Слишком вежливо.

— Светлана. Поздравляю. Вы прекрасно выглядите. Платье, наверное, дорогое?

Мама растерялась. Игорь побледнел. А Ян повернулся, и его янтарный взгляд упёрся прямо в меня.

Он узнал меня мгновенно. Я видела. В его глазах что-то вспыхнуло. Сначала удивление, потом веселье, а потом что-то тёмное и опасное. Уголок его рта пополз вверх.

— Ева, познакомься, — сказал Игорь. — Это мой сын.

— Мы знакомы, — сказал Ян. — Почти близко.

Мама перевела взгляд с него на меня. Я почувствовала, как горят уши. Сейчас она догадается. Сейчас она всё поймёт.

— В университете виделись, — быстро сказала я. Голос даже не дрогнул. Я соврала маме впервые за много лет. На её свадьбе.

— Точно, — согласился Ян. — В университете.

И сел на свободный стул. Прямо напротив меня.

Весь вечер я чувствовала его взгляд. Когда ела. Когда смеялась шуткам маминых подруг. Когда гости кричали «горько». Он почти ничего не ел. Крутил кольцо на пальце и смотрел.

Потом был его тост. Игорь не хотел давать ему слово, я поняла это по лицу. Но Ян уже поднялся с бокалом.

— Я коротко. — Он улыбнулся маме. — За моего отца. Он хороший человек. Он всегда верит людям. Пусть в этот раз ему повезёт больше, чем в прошлый.

Тишина. Мамино лицо окаменело. Игорь поставил бокал так резко, что вино плеснуло на скатерть.

— Горько! — вдруг громко крикнула мамина подруга Лариса.

Все подхватили. Мама и Игорь поцеловались. А я смотрела на Яна, и мне хотелось ударить его второй раз.

Позже, когда заиграла музыка и гости пошли танцевать, я сбежала в дом за маминой шалью. Кухня была пустой и тёмной. Я нашла шаль на спинке стула, обернулась и чуть не врезалась в него.

Ян опирался плечом о дверной косяк. Он перекрыл мне выход. Не нарочно, наверное. А может, и нарочно.

— В университете, значит, — сказал он.

— Ты хотел, чтобы я рассказала маме правду? На её свадьбе?

— Мне всё равно, что ты расскажешь. — Он наклонил го-

лову, разглядывая меня. — Мне интересно другое. Хорошие девочки так легко врут?

— Пропусти.

— Скажи «пожалуйста».

— Пропусти, или я ударю ещё раз.

Он посмотрел на мою руку. Потом мне в глаза. И медленно, очень медленно отступил в сторону. Ровно настолько, чтобы мне пришлось пройти, задев его плечом.

— Щека до сих пор помнит, — сказал он мне в спину. — Рука у тебя тяжёлая, Ева Лаврова.

Я не обернулась. Я вышла в сад, накинула шаль маме на плечи и улыбалась до самого конца праздника. Улыбаться я умела лучше всех.

Гости разъехались к полуночи. Мама с Игорем уехали в город, в гостиницу. Свадебное путешествие они отложили на зиму, а одну ночь решили провести только вдвоём.

А я осталась в огромном доме. С вещами в коробках. И с ним.

Моя комната была на втором этаже. Светлая, с белыми обоями и большим окном в сосны. Игорь готовил её для меня целый месяц. Я распаковала одну коробку и сдалась. Взяла полотенце и пошла искать ванную.

Ванная оказалась одна на две комнаты. С двумя дверями. Одна вела ко мне. Другая в комнату напротив.

Об этом я догадалась слишком поздно.

Я открыла дверь, и он был там. Ян. Без рубашки. Капли

воды на плечах, полотенце на шее. Он чистил зубы и смотрел на меня в зеркало.

Я застыла. Он не спеша прополоскал рот, вытер лицо. И только потом обернулся.

— Добро пожаловать, сестрёнка.

— Я тебе не сестра.

— Знаю. — Он сделал шаг ко мне. — Сестёр не целуют так, как я тебя вчера.

Он был совсем близко. Я чувствовала тепло его кожи и запах мяты. Я прижалась спиной к двери.

— Не смей ко мне прикасаться, — сказала я. Голос дрогнул, но я договорила.

Он остановился. Поднял ладони, как будто сдаётся.

— Я и не трогаю. Видишь? — Уголок его рта пополз вверх. — Не буду. Пока сама не попросишь.

— Не дождёшься.

— Посмотрим.

— В клубе ты не ждал, пока я попрошу.

— А по-моему, ты ответила.

Я открыла рот. Закрыла. Потому что это была правда. Одну секунду. Одну проклятую секунду я ответила.

— Чего ты хочешь? — спросила я.

— Чтобы вы с мамой уехали, — сказал он просто. — Мой отец уже один раз женился на женщине, которой нужны были его деньги. Мне было двенадцать. Я помню, чем это закончилось. Второй раз я не дам.

— Моей маме не нужны его деньги!

— Все так говорят.

— Ты её даже не знаешь!

— А ты не знаешь меня, драчунья.

Он прошёл мимо, совсем близко. Я почувствовала тепло его кожи. Мяту. У двери в свою комнату он остановился.

— Ах да. Защёлка на этой двери сломана. И на твоей тоже. Уже три года. Отец всё никак не починит.

Он улыбнулся.

— Спокойной ночи, Ева. Спи крепко. Если сможешь.

Дверь за ним закрылась. Я осталась одна, с полотенцем в руках и бешено колотящимся сердцем.

Я злилась. Я была в ярости. Я решила, что буду идеальной. Что он не найдёт ни одного повода. Что я выдержу два года и не дам ему испортить маме счастье.

А потом легла в чужую кровать, в чужом доме, и всю ночь слушала тишину за стеной. И думала о том, о чём хорошая девочка думать не должна.

Не о том, как его ударить.

О том, как он меня целовал.

Глава вторая. Правила выживания

Она меня ударила. И это было лучшее, что случилось со мной за последний год.

Я понял это в половине третьего ночи. Лежал в темноте и слушал, как за стеной ворочается она. Ева Лаврова. Дочь женщины, которая сегодня вышла замуж за моего отца. Девчонка из «Луны», у которой рука тяжелее, чем у Макса после смены в гараже.

Я ведь правда хотел помочь там, в клубе. Увидел, как этот в голубой рубашке тянет её за руку, а она замерла, бледная, и даже не кричит. Я таких видел десятки. Девушки, которые боятся устроить сцену. Которым неловко громко сказать «нет». Я подумал: сейчас разберусь, и пусть идёт домой.

А потом поцеловал её. Зачем, до сих пор не понимаю. Можно было просто обнять за плечи. Голубой и так бы ушёл.

Но я поцеловал. И она ответила. Секунду, не больше. Губы у неё дрогнули и приоткрылись, пальцы вцепились мне в футболку. А потом звон в ухе и горящая щека.

«В следующий раз спросите».

Мне никто такого не говорил. Обычно девушки не ставят мне условий. Обычно мне вообще никто не ставит условий.

А сегодня она сидела напротив меня за свадебным столом, в голубом платье, и смотрела так, будто мечтала воткнуть мне вилку в руку. И врала своей матери. Хорошая девочка

врала, не моргнув.

Ладно. Неважно, какая она. Важно, зачем они здесь.

Мою мать зовут Инна. Она ушла от нас, когда мне было двенадцать. Я помню тот день по минутам. Я пришёл из школы, а в прихожей не было её пальто. И её чемодана. На холодильнике под магнитом висела записка. Три строчки. «Игорь, я так больше не могу. Я выходила замуж не за долги. Яну скажи сам».

Сказать мне он так и не смог. Я прочитал сам.

В тот год у отца рухнула фирма. Партнёр обманул, кредиты, суды. Мы переехали из большой квартиры в однушку на окраине. А мама переехала к человеку, у которого был дом под Москвой и счета без долгов. Сейчас она живёт там. Иногда присылает мне на день рождения деньги. Я их не трачу.

Отец потом поднялся. Десять лет работал без выходных. Новая фирма, новый дом, вот этот самый, в соснах. И теперь, когда у него наконец всё есть, появляется Светлана. Скромная администратор из стоматологии. С кремовым платьем и дочкой-отличницей.

Совпадение? Я в совпадения не верю.

Утром я спустился на кухню в девять. Она была там.

Ева возилась у плиты в огромной серой футболке и жарила сырники. На столе уже всё было готово. Тарелки, вилки, сметана в мисочке, чайник. Как в рекламе счастливой семьи. Только никакой семьи здесь нет.

— Ты что делаешь? — спросил я.

Она вздрогнула, но не обернулась.

— Завтрак. Мама и Игорь Николаевич приедут к обеду.

— Здесь есть Нонна Аркадьевна. Она готовит.

— По воскресеньям она не приходит. Я спрашивала.

— У кого?

— У твоего отца. Месяц назад.

Месяц назад. Пока я делал вид, что этих двоих не существует, она уже выяснила, кто когда приходит. Разведка. Я сел за стол.

— И для кого сырники?

— Для всех.

— Я не ем сырники.

— Хорошо, — спокойно сказала она. — Больше достанется маме.

Она положила себе три штуки, села на дальний край стола и стала есть. Молча. Глядя в телефон. Я сказал что-то про её футболку. Она промолчала. Я спросил, не в стройотряде ли её выдали. Она перевернула страницу в телефоне.

И тут я заметил странную вещь. Она на меня не смотрела. Вообще. Ни разу. Ни одного взгляда, даже случайного. Как будто меня в кухне нет. Как будто я пустой стул.

Это бесило сильнее, чем пощёчина.

Потом она вымыла свою тарелку и ушла наверх. А я съел четыре сырника. Подряд. Прямо со сковородки.

Это были лучшие сырники в моей жизни. Я ей этого не скажу никогда.

Отец и Светлана вернулись в два. Светлана вошла в дом первой, с большой коробкой в руках, и сразу нашла меня глазами.

— Ян, — сказала она. — Я тебе торт привезла. Вчера ты его даже не попробовал. Я попросила в ресторане отрезать самый большой кусок. С вишней.

Она протянула мне коробку. Улыбалась. Немного неуверенно, как улыбаются собаке, про которую не знаешь, укусит или нет.

Я посмотрел на коробку. Потом на неё.

— Спасибо. Я не ем сладкое.

— Совсем?

— Совсем.

Это была неправда. Сладкое я любил с детства. Но брать у неё торт значило сказать «добро пожаловать». А я не собирался этого говорить.

Светлана медленно опустила руки. Улыбка у неё не погасла. Только стала тише.

— Ну, тогда в холодильник поставлю, — сказала она. — Вдруг передумаешь.

И пошла к дочери. Я смотрел ей вслед и злился. Не на неё. На себя. Потому что на секунду мне стало стыдно. А мне не должно было быть стыдно.

Отец кивнул мне на дверь кабинета. Я знал этот кивок с детства. Он означал: сейчас будет разговор.

В кабинете пахло кожей и бумагой. Отец сел за стол. Мне

сесть не предложил.

— Что это было вчера?

— Тост.

— Ян.

— Правда, пап. Я сказал правду. Пусть тебе повезёт больше, чем в прошлый раз. Разве это плохое пожелание?

Он снял очки и долго тёр переносицу. Он всегда так делает, когда хочет на меня накричать и не хочет кричать.

— Света не Инна, — сказал он наконец.

— Пока не ушла, все не Инна.

— Ты её не знаешь.

— А ты знаешь? Год, пап. Ты знаешь её год.

Отец посмотрел на меня. Не зло. Устало. И от этого стало хуже, чем если бы он кричал.

— Есть вещи, которых ты не знаешь, — сказал он. — И я не обязан тебе их рассказывать. Но я прошу. Не трогай её. И девочку не трогай.

— Девочку, — повторил я. — Ей девятнадцать, пап.

— Тем более.

Я вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. Аккуратно. Хотя хотелось хлопнуть так, чтобы посыпались книги.

Есть вещи, которых я не знаю. Значит, есть что-то, что он скрывает. Или что-то, что скрывает она. Светлана.

Отлично. Значит, я это найду.

Долго искать не пришлось.

Через час я вышел в сад. Хотел посмотреть, не поцарапа-

ли ли гости мотоцикл. Светлана была у дальней беседки, за кустами жасмина. Она меня не видела. Она говорила по телефону, и голос у неё был совсем другой. Не мягкий, как за столом. Резкий, испуганный.

— Я же сказала, не звони сюда больше. Никогда. У меня теперь другая жизнь, понимаешь? Нет. Нет, я не дам. Ни копейки.

Она сбросила звонок и долго стояла, прижав телефон к груди. Потом вытерла глаза тыльной стороной ладони. Быстро огляделась. И пошла к дому с улыбкой. С той самой, мягкой. Как будто ничего не случилось.

Я замер за кустами и смотрел ей вслед.

Не звони сюда больше. У меня теперь другая жизнь. Ни копейки.

Значит, есть кто-то. Кто-то из прошлой жизни, кто знает её настоящую. Кто-то, кому она что-то должна.

Вот вы и попались, Светлана.

Я никому не сказал. Даже Максу. Рано. Сначала надо узнать, кто это. А потом положить отцу на стол. Факты, а не слова. Отец верит только фактам.

Вечером позвонил Макс.

— Ну что, как свадьба? Живой?

— Живой.

— А сестрёнка как? Страшная?

Я посмотрел на потолок. Над моей кроватью, через одну стену, была её комната. Я слышал, как она ходит. Шаги лёг-

кие. Скрип дверцы шкафа. Тихая музыка.

— Она мне не сестрёнка, — сказал я.

— Понял. Значит, красивая, — заржал Макс. — Карбюратор от «Явы» пришёл, кстати. Завтра заеду, поставим.

Дедова «Ява» уже два года жила у нас в гараже. Красная, старая, с облупленным баком. Дед купил её в восемьдесят пятом году. Он учил меня на ней ездить, когда мне было десять. Дед умер, когда мне было четырнадцать, и оставил мне две вещи. Мотоцикл и серебряное кольцо, которое я теперь ношу на большом пальце. Отец говорит, что мотоцикл пора сдать в металлолом. Я восстанавливаю его по винтику.

Это единственное, в чём я никогда не сдаюсь.

Перед ужином я столкнулся с Евой на лестнице. Она поднималась с охапкой чистого белья, я спускался. Лестница у нас широкая, двое разойдутся легко. Но я остановился посередине.

— Слушай, сестрёнка. Ты всегда так одеваешься? Или это специально, чтобы меня не соблазнять?

Она остановилась. На ступеньку ниже. Глаза в пол. Точнее, в мои кроссовки.

— Отличная футболка, кстати, — продолжил я. — Сразу видно, отличница. Даже футболку выбрала на пять размеров больше. С запасом.

Ничего. Ни звука. Она просто ждала. Как ждут, пока пройдёт дождь.

— Ты язык проглотила? Вчера ночью ты была поразговор-

чивее.

Тогда она шагнула вбок, обошла меня по самому краю ступенек и пошла дальше. Спокойно. Ровно. Не обернувшись.

А я так и остался посреди лестницы, как дурак. С заготовленной шуткой, которую некому было сказать.

Около одиннадцати я пошёл в ванную. Её дверь была закрыта. Свет из-под неё не пробивался. Наверное, спала.

На полке у раковины лежал синий блокнот. Её блокнот. Она, видимо, забыла его, когда умывалась. Из блокнота торчал листок, сложенный вдвое.

Я не собирался читать. Честно. Я хотел просто переложить его, чтобы не намок.

Листок выпал и раскрылся.

Почерк был круглый, аккуратный, как у отличницы. Сверху крупно и подчёркнуто: «Правила выживания в доме Демидовых».

Я улыбнулся. И прочитал.

Правило первое. Не смотреть на Яна.

Правило второе. Не отвечать на его выпады. Что бы ни говорил.

Правило третье. Не заходить в ванную, не постучав. Подчёркнуто два раза.

Правило четвёртое. Быть идеальной. Мама должна быть счастлива.

Правило пятое. Забыть клуб.

А ниже, мелко, как будто она дописала это позже, когда никто не видел: «Забыть клуб. Забыть клуб. Забыть клуб».

Три раза.

Я перечитал листок дважды. Потом сложил его обратно, вложил в блокнот ровно так, как он лежал, и положил блокнот на место. Уголок к уголку.

Значит, вот почему утром она не смотрела. Не потому что ей всё равно. А потому что она себе запретила.

Хорошая девочка с правилами. Хорошая девочка, которая трижды пишет себе «забыть клуб», потому что не может забыть.

Я тоже не мог. Если честно.

Я помнил, какие у неё были губы. Мягкие, удивлённые, со вкусом чего-то клубничного из того розового бокала. Помнил, как она замерла на секунду, а потом подалась ко мне. Совсем чуть-чуть. Так, что этого никто бы не заметил. Кроме меня.

Я целовал многих девчонок. Ни одну я не помнил на следующий день. А эту помнил уже двое суток. До мелочей. До того, как пахли её волосы. До того, как она выдохнула мне в губы, прежде чем ударить.

Это было неправильно. Это мешало. Это надо было выбросить из головы.

Я посмотрел в зеркало. Парень в зеркале улыбался. Нехорошо так улыбался.

Мой план был простой ещё вчера. Сделать так, чтобы им

здесь было неуютно. Чтобы Светлана поняла, что этот дом её не примет. Чтобы ушла. А теперь план стал ещё проще.

Если хорошая девочка сломается, она сбежит. А за дочерью уйдёт и мать. Я видел, как Светлана смотрела на Еву на свадьбе. Ради дочери эта женщина бросит что угодно. Даже моего отца с его домом в соснах.

Пять правил. Всего пять.

Я постучал в её дверь. Тихо, два раза. Как требовало правило номер три.

За дверью было тихо. Потом скрипнула кровать.

— Что? — Голос сонный и злой.

— Сырники были отвратительные, — сказал я. — Пережаренные. Сделай завтра ещё.

Тишина. Я ждал, что она ответит. Огрызнётся. Пошлёт меня куда подальше. Нарушит правило номер два.

Но она промолчала.

Я вернулся в свою комнату и лёг, глядя в потолок. Молчит, значит. Держится. Ничего. Время у меня было.

Я нарушу каждое её правило. По одному. Пока она не сбежит из этого дома.

И начну с первого.

Она посмотрит на меня. Сама. И очень скоро.

Глава третья. Новая игрушка

Первого сентября я проснулась в шесть, за час до будильника. Так всегда бывает, когда очень волнуешься.

Автобус из Кедрового ходил раз в час. Первый в семь десять. Я выяснила это ещё в августе, записала в блокнот и дважды проверила на сайте. Я всегда всё проверяю дважды.

Накануне, в понедельник, я весь день разбирала коробки. Мама с Игорем Николаевичем уехали в город по делам. Дом был пустой и тихий. Только сосны шумели за окном. Под вечер я пошла искать, куда выбросить картон. И забрела в гараж.

Дверь была приоткрыта. Внутри горела лампа над верстаком, пахло бензином и железом. И играло старое радио. Какая-то песня из восьмидесятых, хриплая и печальная.

Ян сидел на низком табурете спиной ко мне. Без футболки. В одних старых джинсах, перепачканных маслом. Перед ним был мотоцикл. Не тот, чёрный и блестящий, на котором он въехал на свадьбу. Другой. Старый, красный, с облупленным баком и круглой фарой. Как из фильма про советское детство.

Он протирал его тряпкой. Медленно, бережно. Как гладят лошадь. Потом наклонился к баку и что-то сказал. Тихо. Я не расслышала слов. Только интонацию. Так разговаривают с кем-то очень родным.

Я замерла в дверях с картонной коробкой в руках. Я смотрела, как под кожей на его спине двигаются мышцы. Как он хмурится, подкручивая что-то ключом. Как отводит со лба волосы запястьем, чтобы не испачкать лицо.

Это был совсем другой человек. Не тот, что хамил моей маме на свадьбе. Не тот, что ухмылялся мне в ванной. Тот, в гараже, был серьёзный, сосредоточенный и почему-то очень одинокий.

Он начал оборачиваться. Я отступила за дверь, прижалась спиной к холодной кирпичной кладке и не дышала. Потом тихо-тихо ушла. Коробку так и унесла с собой.

Весь вечер я думала, кому он говорил те слова. Мотоциклу? Или кому-то, кого с ним больше нет?

На кухне уже сидел Игорь Николаевич с кофе и газетой. Да, он до сих пор читал бумажные газеты. Мама говорила, что это мило. Я тоже так думала. Рядом с ним Ян ел бутерброд, стоя у холодильника, в кожаной куртке.

Правило первое. Не смотреть на Яна.

Я смотрела на кофеварку.

— Доброе утро, Ева, — сказал Игорь Николаевич. — Как спалось на новом месте?

— Хорошо, спасибо.

Это была неправда. Последние три ночи я спала часа по четыре. За стеной то играла музыка, то скрипел пол, то лилась вода в ванной. Каждый звук я слышала так, будто он раздавался у меня в комнате.

— Ян, — сказал Игорь Николаевич. — Отвезёшь Еву в университет.

— У меня одно место, пап. И один шлем.

— Я на автобусе, — быстро сказала я. — Мне так удобнее.

Ян хмыкнул. Я почувствовала его взгляд на своей щеке. Как прикосновение. Но на него не посмотрела.

Через пять минут его мотоцикл с рёвом вылетел за ворота. А я пошла на остановку.

Остановка была в десяти минутах от дома, на краю посёлка. Деревянный навес, лавочка, расписание под стеклом. Я пришла в семь ноль-ноль. Как положено.

В семь десять автобуса не было. В семь двадцать тоже. В половине восьмого мимо проехала женщина на велосипеде и крикнула:

— Девушка! С первого сентября утренний отменили! Теперь только в восемь сорок!

Первая пара начиналась в восемь тридцать. Пешком до города было часа два.

Я села на лавочку и почувствовала, как в горле встаёт комок. Нет. Не плакать. Только не в первый день. Хорошая девочка не плачет на остановке. Хорошая девочка вызывает такси. Я открыла приложение. Цена такси до города была такая, что я закрыла приложение обратно.

И тут вдалеке зарычал мотор.

Чёрный мотоцикл вынырнул из-за поворота и плавно остановился передо мной. Ян снял шлем. Посмотрел на пу-

стую дорогу. Потом на меня.

— Утренний отменили, — сказал он. — С первого сентября.

— Ты знал?

— Догадался.

— Ты знал и уехал.

— Я дал тебе шанс быть самостоятельной. — Он отцепил от багажника второй шлем. Белый. Маленький. — Садись. Или опоздаешь в первый день.

— Ты говорил, у тебя один шлем.

— Соврал. Хорошие девочки тоже врут, ты в курсе?

Я смотрела на шлем. Правило второе. Не отвечать на выпады. Правило первое. Не смотреть. Я смотрела на шлем, на колесо, на свои туфли. Куда угодно.

А потом взяла шлем. Потому что опоздать на первую пару второго курса было для меня страшнее, чем сесть на мотоцикл к Яну Демидову.

Почти страшнее.

— Держись за меня, — сказал он, когда я неловко перекинула ногу. — Крепко. Не за куртку, а за меня.

— Обойдусь.

— Как хочешь. Только на первом повороте ты полетишь в канаву. А мне потом объяснять твоей маме.

Я обхватила его за талию. Под курткой он был горячий и твёрдый, как печка. Я чувствовала, как при каждом вдохе двигаются мышцы на его животе. Пахло мятой и кожей.

Мотоцикл рванул с места. Я вскрикнула и вцепилась в него изо всех сил. Мне показалось, что он засмеялся. Но за рёвом мотора и ветром я не была уверена.

Сосны мелькали по сторонам. Дорога летела под колёса. Ветер бил в лицо, задирал мне юбку, рвал волосы из-под шлема. Было страшно. Было так страшно, что сердце колотилось в горле.

И так здорово, что хотелось кричать.

На повороте он наклонился, и я наклонилась вместе с ним. Мы были одним целым. Одно движение, один наклон, одно дыхание. Я прижалась щекой к его спине и закрыла глаза.

Формально я на него не смотрела. Правило первое было соблюдено.

На светофоре у въезда в город мы остановились. Мотор урчал под нами, как большой зверь. Ян опустил ногу на асфальт и чуть повернул голову.

— Живая?

— Не знаю, — честно сказала я.

— Понравилось?

Я молчала. Правило второе. Но он почувствовал. Я знаю, что почувствовал. Потому что мои руки на его животе сжались сильнее, хотя мы стояли на месте и держаться было незачем.

Он засмеялся. Теперь я точно это услышала. Тихо, низко, где-то в груди. Я почувствовала этот смех ладонями.

Загорелся зелёный, и мы полетели дальше.

Мы подъехали к главному корпусу в восемь двадцать. У крыльца толпились студенты. Первокурсники с цветами, старшекурсники с кофе. Музыка из колонок, смех, суета.

Когда мотоцикл остановился, всё это стихло. Не совсем. Но достаточно, чтобы я почувствовала на себе сто взглядов разом.

Я слезла, путаясь в юбке. Сняла шлем. Волосы торчали во все стороны. Ян забрал у меня шлем, не глядя.

— Не благодари, — сказал он.

— И не собиралась.

Тут к нему подошла девушка. Высокая, светловолосая, в бежевом пальто, как с обложки журнала. Она положила руку ему на плечо, как будто имела на это право.

— Привет, Ян. Ты не отвечаешь на сообщения.

— Привет, Вика. Не отвечаю.

Она посмотрела на меня. Сверху вниз, с ног до головы. Я почувствовала, как меня взвешивают, оценивают и признают негодной.

— А это кто?

— Это Ева, — сказал Ян. И пошёл в корпус, не оглядываясь.

Вика ещё секунду смотрела на меня. Потом улыбнулась. Улыбка была очень красивая и очень холодная.

Соня поймала меня у аудитории. Она схватила меня за локоть и затащила в угол коридора.

— Лаврова. Скажи мне, что я ослепла.

— Ты не ослепла.

— Ты приехала на мотоцикле Демидова.

— Да.

— Того самого Демидова! С четвёртого курса! С машиностроительного! — Соня понизила голос. — Ева, это он. Из «Луны». Красавчик, которому ты врезала. Я его сейчас узнала!

— Да, — сказала я. — Это он. И он мой сводный брат.

Соня открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Повтори.

— Его отец женился на моей маме. В субботу.

Соня медленно сползла спиной по стене.

— Лаврова, — сказала она. — Ты живёшь в одном доме с парнем, которого ударила за поцелуй. Это лучшее, что я слышала в жизни. Рассказывай всё.

Я не рассказала всё. Я не рассказала про ванную. И про то, что не сплю. И про то, как пахнет мятой его куртка.

На паре я села, как всегда, во второй ряд. Рядом со мной сел Лёва Корзухин. Тихий, вежливый, в очках с тонкой оправой. Мы с ним с первого курса делили конспекты по высшей математике. Он всегда приходил раньше всех и всегда занимал мне место.

— Привет, Ева. Я тебе место держал. — Он покраснел. — То есть, не держал. Просто тут свободно было.

— Спасибо, Лёва.

— Ты правда приехала с Демидовым?

Значит, знали уже все.

После второй пары я зашла в туалет помыть руки. У зеркала красила губы Вика. Та самая, в бежевом пальто. Она увидела меня в отражении и не обернулась. Просто продолжила красить губы. Медленно. Идеально ровно.

— Ева, да? — сказала она зеркалу.

— Да.

— Не обижайся, Ева. Я просто по-дружески. — Она закрыла помаду с тихим щелчком. — Ян любит новые игрушки. Яркие, необычные. Он с ними очень мило играет. Месяц, иногда два. А потом ему становится скучно.

Она наконец повернулась ко мне. Красивая. Очень красивая. Рядом с ней я чувствовала себя той самой серой мышкой.

— Я не игрушка, — сказала я. — Я живу в его доме. Его отец женился на моей маме.

На секунду в её глазах мелькнуло удивление. А потом она рассмеялась. Легко и звонко.

— Ой. Так ты сводная сестра? Бедненькая. — Она поправила волосы. — Тогда тебе вообще ничего не светит. Он такими не интересуется.

И вышла, оставив после себя облако сладкого парфюма.

Я долго мыла руки. Очень долго. Пока вода не стала совсем горячей. Мне было всё равно, чем он интересуется. Совершенно всё равно.

Тогда почему так хотелось догнать её и сказать, что он

меня поцеловал первым?

День тянулся бесконечно. В столовой я сидела спиной к залу. Но всё равно знала, где он. Знала по тому, как замолкали девчонки за соседним столом. По смеху его друзей. По тому, как у меня горела спина.

Я не обернулась ни разу. Ни разу.

Домой я уехала на автобусе в шестнадцать сорок. Ян меня не искал. Наверное, к лучшему.

Вечером мама зашла ко мне в комнату. Спросила, как первый день. Я сказала, что отлично. Мама поцеловала меня в макушку и ушла. Она была такая счастливая в эти дни. Она даже двигалась по-другому. Легко, как девочка.

Я легла на кровать с телефоном. Открыла чат университета. И замерла.

В канале «Изнанка универа» висел новый пост. Фотография. Я слезаю с мотоцикла, юбка задралась, волосы дыбом. Рядом Ян держит шлем и смотрит куда-то в сторону.

Подпись: «Демидов нашёл новую игрушку. Делаем ставки, доживёт ли серая мышка до октября?»

Комментариев было уже семьдесят три.

Я знала, что не надо читать. Но прочитала. «Ну и вкус у него». «С какой она помойки?» «Вика плачет в углу». «Мышь думает, что ей повезло». «Даю ей две недели».

Я читала, и мне было холодно. Как будто кто-то открыл окно в январь.

Я так старалась быть незаметной. Я так старалась быть

идеальной. Один день. Мне хватило одного дня, чтобы стать посмешищем всего университета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.